

М. В. Ломоносовъ.

Духовныя силы русскаго общества, вновь вызванныя къ жизни преобразовательнымъ временемъ царя Петра, очень скоро должны были почувствовать необходимость высказаться, вылиться въ иныя формы, обнаруживая то новое міровоззрѣніе, какое слагалось подъ перекрестнымъ вліяніемъ нахлынувшихъ чужеземныхъ понятій и сохранявшейся старорусской сущности. Для этого нужно было, усвоивъ современную научную мысль, создать школу, соответствующую обстановку, подходящій языкъ. Нѣсколько русскихъ поколѣній трудилось для достиженія указанныхъ цѣлей, но ни одно имя среди дѣятелей въ области просвѣщенія не пользовалось въ XVIII вѣкѣ такимъ безусловнымъ почтеніемъ, такимъ всеобщимъ признаніемъ, какъ имя Михаила Васильевича Ломоносова. Научная разносторонность, при геніальности дарованій, возвышенный складъ художественной мысли, цѣльное міровоззрѣніе—все давало ему право на непререкаемость авторитета въ умственной жизни русскаго образованнаго общества въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ. Такое всеобъемлющее значеніе дѣятельности Ломоносова было опредѣлено впоследствии Пушкинымъ слѣдующимъ образомъ: „Между Петромъ I и Екатериною II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый русскій университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ“. Другіе писатели, какъ Кантемиръ и Тредьяковскій, не могли создать прочно установившагося направленія для своихъ преемниковъ; на современниковъ они также не производили большого впечатлѣнія. Дѣятельность перваго сатирика ограничивалась узкими рамками, самый характеръ его творчества не давалъ поло-

жительныхъ образцовъ для будущаго; да и ранняя смерть помѣшала полному развитію его таланта. Что касается Тредьяковскаго, то несмотря на почтенность его трудовъ въ области науки (не оцѣненныхъ въ свое время), школьный педантизмъ - и бездарность поэтическихъ опытовъ только роняли значеніе литературной и научной дѣятельности въ глазахъ общества, нуждавшагося въ широкой популяризаціи науки и въ воспитаніи чувства уваженія къ просвѣщенію и поэзіи. Ломоносовъ же понялъ многообразныя духовныя потребности перерождавшейся Россіи, понялъ, что его необученнымъ современникамъ одинаково необходимъ учебникъ реторики, какъ и учебникъ русской грамматики, физики, какъ и торжественная ода. Дикое поле нужно было засѣять различными сѣменами и обработать, а рабочихъ рукъ было мало, все приходилось дѣлать самому; отсюда тѣ постоянные переходы отъ одного занятія къ другому, та многосторонность Ломоносова, которая не дала возможности оставить въ міровой наукѣ имя, соотвѣтствующее его высокимъ дарованіямъ, но за то для русскаго дѣла такая самоотверженная работа по своей плодотворности въ извѣстныхъ областяхъ вполнѣ могла выдержать сравненіе съ преобразовательною дѣятельностью Петра (сравненіе, впервые высказанное въ 1816 году Батюшковымъ и развитое Бѣлинскимъ). Болѣе образованные изъ современниковъ и ближайшаго потомства Ломоносова, привлеченные его звучными одами, не могли не замѣтить и его многочисленныхъ научныхъ занятій; сначала въ отдѣльныхъ единицахъ, а затѣмъ и въ болѣе широкихъ кругахъ общества пробуждается интересъ къ наукѣ, а то обстоятельство, что простой русскій человѣкъ своею ученостью и талантами достигъ общественнаго признанія, должно было въ послѣдствіи вызвать въ массѣ довѣріе къ освободительной силѣ просвѣщенія. Но наибольшее и немедленное вліяніе Ломоносова сказалось въ русской литературной рѣчи, и здѣсь-то выразилась съ совершенною полнотою его творческая преобразовательная дѣятельность, утвердившая за нимъ названіе „отца“ нашей новой литературы, „Что чистый слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію“.

Свѣдѣнія о жизни Ломоносова и до нашего времени не отличаются точностью и полнотою, несмотря на изобиліе изслѣдованій. Годъ его рожденія не выясненъ: одни свидѣтельства указываютъ на 1709, 1710 и даже 1715 г.г. Болѣе принято считать этимъ годомъ—1711 г., какъ значится на могильномъ памятникѣ въ Александро-Невской лаврѣ. Родомъ Ломоносовъ былъ изъ деревни Денисовки, Болото тожъ, близъ Холмогоръ, Архангельской губерніи. Отецъ его Василій Дорофѣевъ былъ зажиточный крестьянинъ, у него была земельная собственность и морскія суда, на которыхъ

онъ занимался рыбною ловлею и совершалъ далекіе морскіе разъѣзды съ казенною и частною кладью. Мать—дочь дьякона. Какъ грамотная женщина, она внушила ему первые начатки религіи, а можетъ быть, и грамотности. Но она скоро умерла, отецъ женился вторично, и мачеха не взлюбила пасынка; на его занятія она смотрѣла какъ на пустую трату времени и на неохоту къ работѣ. О дѣтскихъ впечатлѣніяхъ будущаго великаго человѣка С. М. Соловьевъ говоритъ такъ: „Намъ неизвѣстно время рожденія отца русской науки и литературы: очень можетъ быть, что онъ и самъ съ точностью не могъ опредѣлить этого времени; но намъ извѣстно мѣсто его рожденія; поморская или бѣломорская страна—пустынная, холодная, но прилегавшая къ морю, которое принадлежало Европѣ, на которомъ появлялся европейскій корабль. Сюда явился очень скоро молодой преобразователь, жаждавшій моря; эта страна впервые почувствовала прикосновеніе его сильной руки. Страна, народонаселеніе которой давно привыкло къ трудной и опасной, развивающей силы, дѣятельности, давно привыкла къ тѣмъ явленіямъ, которыя стояли теперь на очереди, сильно потребовались,—эта страна наполнилась новымъ духомъ, новымъ движеніемъ, кто-то сильный, необыкновенный явился, прошелъ, оставилъ неизгладимые слѣды, поразилъ воображеніе, овладѣлъ памятью народа. Всюду для людей чуткихъ, исполненныхъ силы, слышались слова: „Иди за мной, время наступило!“ Подъ такими впечатлѣніями богатырскаго времени новой Россіи воспитывался одаренный великою духовною силою сынъ Холмогорскаго рыбака. Мать, происходившая изъ духовнаго званія, выучила его грамотѣ, и ребенокъ страстно схватился за книги, разумѣется, за книги церковныя, кромѣ того онъ досталъ грамматику Смотрицкаго, ариѣметику Магницкаго. Работа съ отцомъ, морскія плаванія и промыслы укрѣпляли его физическія силы, дѣлали изъ него богатыря и тѣломъ. Богатырь не усидитъ въ отцовскомъ домѣ: его тянетъ на подвигъ, а подвигъ новой, преобразованной Россіи не разминать въ степи плечо богатырское, а развивать умъ наукою въ школѣ. Семейная обстановка печальна, выживаетъ изъ дому; матери, первой наставницы, уже нѣтъ, вмѣсто нея мачеха, которая, по старому обычаю, „поѣдомъ ѣстъ“ пасынка за то, что онъ не работаетъ, какъ слѣдуетъ крестьянскому сыну,—корпять надъ книгами, точно поповичъ. Богатырь уходитъ изъ дому въ Москву“... Кромѣ Смотрицкаго и Магницкаго третьимъ учебникомъ Ломоносова въ деревнѣ была стихотворная псалтирь Симеона Полоцкаго. Эти книги были „вратами его учености“. Что касается ухода Ломоносова изъ дому, то прежде считалось неоспоримымъ, что онъ ушелъ изъ дому тайно, не спросясь родителей; но впослед-

ствіи былъ найденъ паспортъ, выданный Ломоносову изъ волостного правленія; паспортъ же этотъ могъ быть выданъ лишь съ согласія родителей, такимъ образомъ становится невозможнымъ предположеніе о бѣгствѣ изъ дому. Какъ путешествіе, такъ и жизнь въ Москвѣ были очень тяжелы для юноши. Прибылъ онъ съ рыбнымъ обозомъ, а по дорогѣ прожилъ нѣкоторое время въ Антоніевомъ Сійскомъ монастырѣ, исполняя обязанности псаломщика; первую ночь въ Москвѣ провелъ въ саняхъ въ рыбномъ ряду, усердно молясь Богу. Когда разсвѣло,—разсказываетъ товарищъ Ломоносова по академіи—Штелинь, пришелъ какой-то приказчикъ покупать изъ обоза рыбу. Онъ оказался Ломоносову землякомъ и, узнавъ о намѣреніяхъ юноши, взялъ его къ себѣ въ домъ и помѣстилъ среди слугъ хозяина, у котораго жилъ. Затѣмъ по знакомству тотъ же приказчикъ устроилъ его въ Заиконоспасскія школы. Мужика не приняли бы по уставу и разсказываютъ, что Ломоносовъ оказался сыномъ священника (метрическихъ свидѣтельствъ тогда не спрашивали), но потомъ признался въ своемъ обманѣ Теофану Прокоповичу, прося только не удалять его; послѣдній обѣщалъ ему свое покровительство. Объ этихъ годахъ ученія Ломоносовъ такъ вспоминалъ впоследствии въ своемъ письмѣ къ И. И. Шувалову (10 мая 1753 года):

„Обучаясь въ спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти неопредолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ за денежку хлѣба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латинѣ учиться!...“ Несмотря на всѣ „отвращающія отъ наукъ стремленія“, Ломоносовъ окончилъ Московскую академію; она дала ему основы классическаго образованія, такъ какъ здѣсь онъ изучилъ латинскій языкъ и познакомился съ римской литературой. Чувствуя преимущественное призваніе къ естественнымъ наукамъ и тяготясь одностороннимъ направленіемъ въ Москвѣ, отправился въ 1734 году въ Кіевъ, но скоро вернулся

обратно, обманувшись въ своихъ надеждахъ на хорошее преподаваніе тамъ любимыхъ его наукъ. Ломоносову представлялась возможность получить мѣсто священника, но въ то самое время по представленію начальника Академіи барона Корфа сенатъ распорядился „изъ учениковъ, кои есть въ Москвѣ въ спасскомъ училищномъ монастырѣ, выбрать въ наукахъ достойныхъ двадцать чело-вѣкъ, и о свидѣтельствѣ ихъ наукъ подписаться ректору и учителямъ и выслать въ Санктпетербургъ въ Академію наукъ“... Ломоносовъ попалъ въ число посланныхъ (двѣнадцать чело-вѣкъ) и такимъ образомъ вышелъ на болѣе широкую дорогу. Когда явилась потребность въ людяхъ, знающихъ горное дѣло, и для подготовки къ инженерному дѣлу нужно было посылать за границу, то выборъ палъ на трехъ лицъ, въ томъ числѣ на Ломоносова, уже въ небольшой срокъ обнаружившаго свои выдающіяся способности. Первоначально онъ долженъ былъ заниматься въ Марбургскомъ университетѣ подъ руководствомъ знаменитаго профессора математики и философіи—Вольфа. Профессоръ, сообщая Академіи о жизни и знаніяхъ своихъ учениковъ, съ большою похвалою отзывался о способностяхъ и прилежаніи Ломоносова. Какъ бы въ подтвержденіе этихъ отзывовъ Ломоносовъ послалъ (15/4 октября 1738 года) донесеніе на нѣмецкомъ языкѣ о лекціяхъ, которыя онъ посѣщалъ, и о приоб-рѣтенныхъ книгахъ; разсужденіе на латинскомъ языкѣ и, наконецъ, стихотворный переводъ оды Фенелона, написанной въ 1681 году и воспѣвающей счастье уединенной сельской жизни вдали отъ свѣта, подъ кровомъ музъ. Ода эта принадлежитъ къ числу первыхъ опытовъ у насъ тонического стихосложенія ¹⁾. Для вѣрной оцѣнки этого опыта надо имѣть въ виду, въ какомъ состояніи находилась тогда наша литература и какіе образцы представляла для начинающаго писателя. Въ „новомъ способѣ“ стихосложенія Тредьяковскій приводилъ „въ примѣръ“ слѣдующіе стихи: „Красота весны! Роза о прекрасна! Всея о госпожа румяности власна!.. Пойдетъ о вѣкъ долговѣченъ, и многочеловѣченъ; поживемъ въ благостынѣ, мы всѣ вездѣ отъ нынѣ“ и т. д. Правда, первымъ, кто указалъ на необходимость тонического стихотворенія для русскаго языка, былъ Тредьяковскій, но только благодаря таланту Ломоносова оно прочно во-дворилось въ русскомъ языкѣ. Съ первой половины XVII вѣка до Тредьяковскаго и Ломоносова у насъ была въ употребленіи силла-бическая версификація въ произведеніяхъ письменной русской поэзіи. Въ XVII и началѣ XVIII в.в. писатели наши, увлеченные теоріей

¹⁾ Изъ написаннаго Л. ранѣе извѣстны только школьные стихи: „Услышали мухи медовые духи“ и т. д.

польскаго стиха, стремились примѣнить ее у насъ, но ихъ опыты были весьма неудачны въ отношеніи гармоніи и художественности. Симеонъ Полоцкій, принадлежа къ числу поклонниковъ силлабическаго стихосложенія, переложилъ въ стихи псалтырь и святцы; такимъ стихосложеніемъ пользовался Кантемиръ въ своихъ сатирахъ, хотя и въ улучшенномъ видѣ. Но русскому языку, при его разнообразномъ и свободно переходящемъ удареніи, болѣе свойственно стихосложеніе тоническое, что и было впервые опредѣлено Тредьяковскимъ, который разграничилъ въ своемъ разсужденіи „о древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи россійскомъ“ различныя формы русскаго стихосложенія. Свою теорію основывалъ онъ на изученіи свойства „нашей природной вандревнѣйшей простыхъ людей поэзіи“, т. е. народныхъ пѣсенъ. Но настоящимъ основателемъ русскаго литературнаго языка все-таки является Ломоносовъ, создавъ тоническіе періоды изъ сочетаній звуковъ, въ которыхъ каждое подчиняется одному господствующему ударенію, полагая такимъ образомъ въ основѣ ударенія словъ. — Въ слѣдующемъ 1739 году Ломоносовъ посылаетъ (уже изъ Фрейберга, куда онъ отправился послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Марбургѣ) новую оду „На взятіе Хотина“, въ которой подражалъ отчасти знаменитому тогда нѣмецкому поэту Гюнтеру („На миръ Австріи съ Турціею въ 1718 г.“), отчасти Буало („На взятіе Намура Людовикомъ XIV въ 1692 г.“). Ода создавалась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ побѣды Миниха и была написана по правиламъ ложноклассицизма. Академикъ Кунякъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о литературной дѣятельности Ломоносова, сравнивая новую оду съ предшествовавшею, говоритъ: „Какіе успѣхи долженъ былъ сдѣлать Л. въ теченіе года, чтобы создать оду, отличающуюся высшимъ благородствомъ и чистотою языка, поэтическимъ полетомъ и выдержаннымъ употребленіемъ приличнаго размѣра... Побѣды русской арміи при Ставучанахъ и послѣдовавшее за тѣмъ взятіе Хотина отозвались во всей Европѣ. Возможно ли было не восторговаться патриотической душѣ Л. и въ тиши горнозаводскаго мѣстечка не излить свои чувства въ поэтической формѣ, при вѣсти о томъ, что русская армія такъ блистательно отомстила туркамъ за пораженіе Петра при Прутѣ... Первые слова оды на взятіе Хотина: „Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ“, которыми Л. описываетъ впечатлѣніе, произведенное на него вѣстію о *побѣдѣ* надъ мусульманами, могъ повторить за нимъ и каждый поэтически настроенный читатель, чтобы передать впечатлѣніе, произведенное на него этимъ стихотвореніемъ.

Однимъ словомъ, это была *побѣда* въ области человѣческаго духа“. Къ одѣ было приложено „письмо о правилахъ россійскаго

стихотворства⁴. Обѣ оды Л., несмотря на ихъ громадное значеніе въ исторіи русской поэзіи, не были въ свое время напечатаны и послужили только для Академіи Наукъ доказательствомъ литературныхъ способностей Ломоносова. Въ приложенномъ „Письмѣ“ Л. кромѣ доводовъ въ пользу новаго, основаннаго на силѣ удареній, а не на долготѣ слоговъ, стихосложенія, указываетъ между прочимъ на значеніе и выборъ поэтическихъ словъ, на богатство русскаго языка, отвергая одно сплошное римаство.

Личная жизнь Ломоносова складывалась тогда не легко.

Въ Фрейбергѣ, вслѣдствіе предупрежденія Академіи, узнавшей о вольной жизни студентовъ въ Марбургскомъ университетѣ, новый ихъ наставникъ Генкель обращался съ учениками очень строго, а Академія мало посылала денегъ на содержаніе; произошелъ разрывъ съ профессоромъ, и Л. вернулся въ 1740 г. въ Марбургъ. Научныя занятія заброшены не были, изученіе любимыхъ естественныхъ наукъ, химіи, металлургіи не прекращалось, не оставлялось и изученіе языковъ; но въ это время Л. женился въ Марбургѣ на дочери, по однимъ извѣстіямъ, портного, по другимъ—бывшаго члена городской думы и церковнаго старшины—Елизаветѣ Цильхъ. Долги все увеличивались, и существуетъ рассказъ, какъ Л., спасаясь отъ кредиторовъ, тайно бѣжалъ въ Голландію, но по дорогѣ прусскіе вербовщики напоили его, уговорили поступить на военную службу и отвели въ крѣпость Везель, откуда онъ ночью спасся бѣгствомъ и вернулся въ Марбургъ. Лѣтомъ 1741 года Ломоносовъ возвратился въ Россію, уже извѣстный въ Петербургѣ и своими одами, и отличными отзывами однихъ его наставниковъ въ Германіи и очень дурными отзывами другихъ, и собственными признаніями въ безпорядочномъ поведеніи. По своимъ познаніямъ и дарованіямъ Ломоносовъ имѣлъ право на одно изъ первыхъ мѣстъ въ Академіи, но его съ самаго начала встрѣтили препятствія: профессора долгое время держали его двѣ ученыя работы безъ одобренія, оставляя его безъ мѣста и безъ жалованья. Нѣсколько разъ просилъ онъ конференцію объ опредѣленіи его адъюнктомъ,—и все безуспѣшно; академическая канцелярія не хотѣла поручать ему профессорскую кафедру. Въмѣсто этого Л—у поручили привести въ порядокъ металлургическій кабинетъ, что онъ блестяще и выполнилъ. Но и послѣ этого его не назначили профессоромъ и откладывали это назначеніе до тѣхъ поръ, пока онъ не подалъ прошеніе на Высочайшее имя; въ этомъ прошеніи онъ говорилъ о своихъ правахъ на профессорскую кафедру, о своихъ работахъ и знаніяхъ. Тогда его опредѣлили адъюнктомъ физическаго класса, и въ программѣ было выставлено: „Михайла Ломоносовъ, адъюнктъ Академіи, руководство въ физи-

ческую географію, чрезъ Крафта сочиненное, публично толковать будетъ, а приватно охотникамъ наставленіе давать намѣренъ въ химіи и исторіи натуральной о рудахъ, также обучать въ стихотворствѣ и штилѣ“. Такимъ образомъ, съ самаго начала занятія словесностью становятся рядомъ съ преподаваніемъ естественныхъ наукъ. Въ то же время онъ долженъ былъ писать различныя научныя работы.

Черезъ три года Ломоносовъ былъ назначенъ профессоромъ химіи и въ этомъ званіи оставался до конца жизни. Химія и была главною спеціальностью Ломоносова, но она не отвлекла его отъ занятій другими науками; отъ химіи и физики онъ переходилъ къ изученію отечественнаго языка, отечественной исторіи, риторики, къ составленію Россійскаго атласа. Его гениальная мысль не могла и не хотѣла заключиться въ тѣсной сферѣ одной какой-либо науки. Химія не помѣшала составленію риторики, которая принесла огромную пользу въ дѣлѣ „украшенія Россійскаго слова“; не помѣшала появленію „Россійской грамматики“, бывшей для своего времени образцовой, и созданію прекрасныхъ поэтическихъ произведеній. И всѣ эти разнообразныя занятія объединялись цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, возвышеннымъ взглядомъ на науку, съ помощью которой только и можетъ человѣкъ достигнуть настоящаго умственнаго и нравственнаго достоинства, познавая высшіе законы бытія.

Въ 1757 г. Ломоносовъ становится членомъ академической канцеляріи, а затѣмъ управляющимъ гимназіей и университетомъ, и такимъ образомъ долженъ принимать участіе въ администраціи Академіи. Съ момента вступленія его въ число членовъ Академіи Наукъ у него начинаются настоящія столкновенія съ засѣвшими тамъ иностранцами. „Академическая, т. е. служебная и ученая дѣятельность Ломоносова“, говоритъ Н. С. Тихонравовъ, исполнена глубокаго интереса и чрезвычайно поучительна. Живого, пылкаго рыбака, который покинулъ отчій домъ для того только, чтобы удовлетворить своей страсти къ наукѣ, вдругъ поставили среди того неопредѣленнаго, разнохарактернаго учрежденія, которое тогда называлось Академіею Наукъ. Здѣсь Л. былъ свидѣтелемъ явленій, которыя возмущали его душу: онъ видѣлъ, какъ многіе изъ призванныхъ нѣмцевъ „не давали свободно возражать насажденію Петра Великаго“, какъ многіе „употребляли Божье дѣло для своихъ пристрастій“, не думая „о приращеніи наукъ въ Россіи“. Этого не могъ перенести Л. равнодушно. Да и ему ли было не вознегодовать на подобнаго рода явленія? Онъ самъ прошелъ суровую школу; онъ самъ не получалъ въ Германіи денегъ отъ Генкеля, которому онѣ высылались Академіею, самъ съ трудомъ перебрался оттуда въ Россію, на его собственныхъ глазахъ многіе изъ присланныхъ

въ Академію изъ Москвы „безъ призрѣнія и добраго смотрѣнія, будучи въ уничтоженіи отъ унынія и отчаянія, опустили въ подлость и тѣмъ потеряны“. Ему ли не вступить за дѣло Петра? И онъ началъ борьбу за дѣло, которое всегда было близко его сердцу, онъ весь посвятилъ себя этой борьбѣ „съ непріятелями наукъ Россійскихъ“. Но его усилія не увѣнчались успѣхомъ. Ему поручили, напр., дѣланіе Россійскаго атласа и потомъ оттерли его отъ произведенія къ совершенію „Россійскаго атласа“. Занимательная борьба! Цѣлый періодъ жизни Л—а наполненъ ею, и здѣсь онъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, „великій поборникъ русскаго образованія“. Неудовлетворительное состояніе Академіи происходило главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что въ странѣ, какою была тогдашняя Россія, гдѣ наука не могла еще пустить глубокихъ корней, нельзя было наполнить ученаго учрежденія все достойными членами: большинство подавало поводъ къ разнаго рода упрекамъ относительно исполненія обязанностей, роняя этимъ ученую дѣятельность и академическое званіе, чѣмъ пользовались люди, желавшіе управлять Академією; они выставляли на видъ, что ученые не способны, не достойны сами управлять, что ими слѣдуетъ управлять другимъ, и достигали своей цѣли. Главнымъ непріателемъ Ломоносова была академическая канцелярія, захватившая въ свои руки управленіе и хозяйственными и учеными дѣлами Академіи, такъ что ученая корпорація профессоръ находилась у нея въ зависимости и не имѣла самостоятельности. Во главѣ канцеляріи стояли—начальникъ ея Шумахеръ и его помощникъ и зять, Таубертъ,—люди, по словамъ Л., „скудные въ наукахъ“. Но, пользуясь покровительствомъ временщиковъ, они захватили въ свои руки власть и распоряжались всѣмъ по-своему, сообразуясь лишь со своими интересами и пренебрегая интересами казны и науки. Таубертъ распоряжался казенными деньгами, какъ своими. Ломоносовъ жаловался, что Шумахеръ и Таубертъ занимаютъ лучшія квартиры, пользуются доходами и не обращаютъ вниманія на университетъ и гимназію, что они больше думаютъ о роскошныхъ шкапахъ, чѣмъ о книгахъ и ихъ содержаніи. Причины своей непрерывной борьбы Л. изложилъ въ письмѣ къ Теплову въ 1761 г. „Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, писалъ онъ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія въ ученіи, далъ терпѣніе и благородную упрямку и смѣлость къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, что мнѣ всего дороже... За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ, и противъ отца своего родного возстать за грѣхъ не ставлю... Я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ

россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ: стоялъ за нихъ съ молодю, на старость не покину“. Можно, однако, пожалѣть, что свойства характера Ломоносова помѣшали установиться хорошимъ отношеніямъ его съ двумя выдающимися нѣмецкими академиками—Шлёцеромъ и Милеромъ, которые оказали огромныя заслуги для русской исторіографіи. Этотъ раздоръ былъ безусловно вреденъ для успѣховъ только-что нарождавшагося историческаго знанія, т. к. Ломоносовъ ставилъ имъ препятствія къ свободному изслѣдованію изъ-за опасенія „инострательства“ или „худого характера“, а также возможныхъ „заношливыхъ“ рѣчей о Россіи.

Но у Ломоносова былъ свой покровитель—Ив. Ив. Шуваловъ, вѣрившій и понимавшій его. Шувалову пришла мысль основать университетъ въ Москвѣ, и Ломоносовъ съ радостью ухватился за нее. Онъ вѣрилъ, что въ Москвѣ не будетъ нѣмцевъ и значить не будетъ тѣхъ неурядицъ и ненормальностей, которыя были въ Петербургѣ. Л. составляетъ планы, штаты для профессоровъ, проектируетъ устройство гимназіи при университетѣ. Послѣ учрежденія Московскаго университета онъ рассчитываетъ хлопотать объ открытіи такого же университета, не зависящаго отъ Академіи, въ Петербургѣ. Онъ пишетъ, что его „единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы привести въ вождельнное теченіе гимназію и университетъ, откуда могутъ произойти многочисленныя Ломоносовы“. Но планамъ его не суждено было осуществиться: императрица не утвердила ихъ, т. к. была больна, и дѣло надолго было отложено.

Кромѣ нѣмцевъ къ числу непріятелей Ломоносова принадлежали также Третьяковскій и Сумароковъ. Унизительное подобострастіе и схоластическій педантизмъ перваго возмущали его живую душу такъ же какъ и хвастливость и надутость при весьма небольшихъ познаніяхъ втораго.

Дѣятельность Ломоносова на пользу русской науки и литературы оставила глубокіе слѣды. Несмотря на разнообразіе научныхъ интересовъ, онъ въ естественныхъ наукахъ стоялъ на одномъ уровнѣ съ современными западными учеными, а въ нѣкоторыхъ открытіяхъ и теоретическихъ выводахъ опередилъ свое время, какъ то установлено спеціалистами (профессорами Московскаго университета въ книгѣ, изданной въ 1865 г. по поводу столѣтія со дня смерти писателя). Первоклассныя ученые XVIII вѣка, какъ Эйлеръ, Вольфъ и др., отдавали должное таланту и трудамъ Ломоносова.

Кромѣ того Ломоносовымъ была написана почти вся исторія Россіи, подъ отдѣльными заглавіями, изъ нихъ сохранилась только первая часть: Древняя Россійская Исторія отъ начала Россійскаго народа до кончины В. К. Ярослава перваго.

Русскому обществу его времени при невысокомъ уровнѣ образованія не было возможности разобратъся въ достоинствахъ его научныхъ трудовъ, но общій характеръ его энергической и непрерывной умственной работы не могъ не произвести впечатлѣнія на окружающихъ. Тѣмъ болѣе, что многія свои научныя познанія онъ излагалъ въ написанныхъ великолѣпнымъ языкомъ „словахъ“, „письмахъ“ и даже „одахъ“, дѣлая доступными для неспеціалистовъ свои ученые мысли. Что же касается значенія Ломоносова въ русской литературѣ, то здѣсь онъ является истиннымъ преобразователемъ. Онъ создалъ литературный языкъ, далъ его теорію и показалъ на практикѣ въ поэтическихъ произведеніяхъ, преимущественно въ одахъ. Онъ далъ также теорію словесности, въ первой русской грамматикѣ, и риторики, и его взгляды господствовали до начала слѣдующаго вѣка, когда появился Карамзинъ, а затѣмъ Пушкинъ. Но для того, чтобы оцѣнить, что было здѣсь сдѣлано Ломоносовымъ, нужно оглянуться назадъ и вспомнить, чѣмъ была до него русская литературная рѣчь. „До-петровская литература“, говоритъ Н. С. Тихонравовъ, „замкнутая, въ сферѣ религіозной и сжатая господствомъ церковнаго авторитета, признавала своимъ языкомъ церковно-славянскій, а не русскій. Россія новой, сбросившей съ себя иго средневѣковаго авторитета и смѣло вступившей въ общеніе съ общечеловѣческими началами европейской образованности, нуженъ былъ иной литературный языкъ,—языкъ, выработанный изъ богатыхъ и обильныхъ стихій родного слова. Освобожденіе русскаго народа къ новой, независимой духовной жизни вызывало созданіе русскаго литературнаго языка. Эту великую историческую задачу исполнилъ Ломоносовъ“. „Въ русской литературѣ перваго сорокалѣтія XVIII вѣка господствовали всевозможные варваризмы“, „дикія нелѣпости слова“, по выраженію Ломоносова; русская литература этого времени еще не говорила русскимъ языкомъ. Эта литературная разноголосица наконецъ улеглась; новое направленіе въ русской словесности получило единство, крѣпость и ввело Россію въ ближайшія сознательныя отношенія къ просвѣщенію и жизни Европы, благодаря дѣятельности Ломоносова; онъ далъ нашей литературѣ ту централизацію, которую государство получило отъ Петра Великаго“. Послѣдующее развитіе русской литературы привело къ отрицанію въ Ломоносовѣ настоящаго поэтическаго дарованія, но его заслуги въ области языка незыблемы, а имя Ломоносова остается навсегда великимъ въ нашей исторіи, какъ перваго и крупнаго русскаго ученаго, создателя русской науки и поборника русскаго просвѣщенія.

